

МАРШРУТ

Я лежал на краю скалы и наблюдал за воздушным боем. Внизу в ущелье сражались в воздухе две красноклювые памирские вороны. Одна из них, маленькая и отважная, дралась отчаянно. Она переворачивалась на спину как истребитель, и пыталась схватить соперницу снизу лапами за живот. Но большая опытная ворона оборонялась из более выгодной позиции и не давала сопернице залететь выше, чтобы атаковать сверху.

– Анатолий, пошли дальше.

Геологиня закончила описание обнажения и убрала дневник в полевую сумку.

Мысленно пожелав маленькой вороне победить или хотя бы остаться живой, я надел тяжелый рюкзак, наполненный тремя десятками образцов и проб горных пород. Прежде чем идти дальше, надо было так распределить камни, чтобы ни один не давил на спину. Для этого следовало наклониться и покачать рюкзаком в разные стороны.

Маршрут представлял собой траверс по обнаженному гребню на высоте более пяти тысяч метров. С альпинистской точки зрения никаких трудностей, кроме высоты, не было. Ни лавин, ни ледовых стен, ни крючьев, ни альпенштоков, лишь трикони – зазубренные железные подковы на ботинках, да солнечные очки сближали нас с покорителями гор. В первых маршрутах на подъеме в гору сердце молотом бухало в груди, а виски ломало от боли. Казалось, что воздух вообще не содержит кислорода. Потом стало легче. Я научился дышать размеренно и подниматься медленно без рывков.

От лагеря до начала маршрута семь километров, а по высоте – километр. Подход и отход по гребню хребта на высоту пяти тысяч метров занимали почти все время, и на работу оставалось часа два. Составление опорных геологических разрезов заключалось в тщательном измерении рулеткой мощности пластов и сопровождалось отбором образцов и проб. За день мы проходили с работой меньше километра, постепенно приближаясь к вершине. На очередном обнажении я быстро делал свою часть работы – отбирал пробы и образцы горных пород, и сразу ложился на теплые камни отдохнуть. Геологиня всегда ругала меня за привычку лежать на камнях и пророчила мне скорый радикулит. Сама она садилась не на голый камень, а на кусок толстого войлока.

В середине маршрута я вдруг с ужасом обнаружил на ремне пустые ножны – охотничий нож остался в лагере. Геологине я ничего об этом не сказал и молил бога, чтобы она не сломала карандаш и не попросила у меня нож заточить грифель. Конечно, тут же сломался молоток. Имея нож, насадить молоток пустяковое дело. Геологиня не стала меня попрекать, а кинула мне свой молоток, который, бывает же такое, сломался после второго удара. Пришлось рассказать про забытый нож.

– Ну? Что будешь делать, коллектор? – геологиня была абсолютно спокойна.

Я не растерялся и стал зубами грызть твердую, как кость, буковую ручку, подгоняя конец обломка к отверстию в молотке. Геологиня тем временем сделала чудесный снимок, где я на фоне заснеженных вершин грызу палку.

Насадив молоток на обглоданную ручку, я сообразил, что долго он не продержится, если его не расклинить. Сняв ботинок, я куском сланца отбил от подошвы триконь, расклепал на камне железную подковку и расклинил молоток. Все получилось так качественно, что молоток геологини продержался до конца полевого сезона.

По закону Мерфи, «предоставленные самим себе, события имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему». Подошло время обеда и надо было чем-то вскрыть консервы. В начале сезона мы питались исключительно красной рыбой – кильками в томатном соусе, но две недели назад закупили белую рыбу – скумбрию в масле. Обычно в маршрут брали с собой две банки разного сорта.

Тамара присела на кусок войлока и, смакуя маленькими глотками холодный зеленый чай из фляжки, с насмешкой спросила:

– А сейчас что будешь делать?

От низкой влажности воздуха рот у меня быстро пересыхал, и чай в моей фляге заканчивался до обеда. С завистью, оглядываясь на геологиню, я стал искать подходящий плоский камень, чтобы сточить об него края банки. Ник однажды рассказал мне о таком способе открывания консервных банок. Но кругом были лишь рыхлые почерневшие мраморы, которые сильно крошились. Сланцы обнажались только в четырехстах метрах ниже по склону.

– Анатолий, давай быстрее, – поторопила меня Тамара.

Быстрее так быстрее. Для геологини представился случай лишний раз убедиться, что поспешность никогда ни к чему хорошему не ведет. Я положил банку килек в томате на камень и хотел стукнуть молотком по самому краю, но промахнулся и попал в середину. Консервы были изготовлены на уровне моря, а мы находились на высоте пяти километров, где атмосферное давление значительно ниже и поэтому банка разорвалась как петарда. Красный томатный соус брызнул во все стороны и большая его

часть прямо на Тамару. Кошмар! Геологиня вся в кильке, злая, умыться нечем! Я быстро подал ей чистый пробный мешочек, и она размазала красный соус по штормовке. Сердитое молчание геологини меня удивило. Осознала, наверное, что торопиться не следовало.

– Вторую банку открывать? – спросил я на всякий случай, но ответа не дождался.

С этими кильками в томатном соусе постоянно случались неприятности. В столовой палатке валялась сильно вздутая банка таких килек, которую никто не хотел брать в маршрут из-за боязни отравления. Когда мы собрались переезжать в другой район, начальник экспедиции доцент Дюфур приказал нам, коллекторам, тщательно убрать территорию лагеря. Место следовало оставить таким, каким оно было за сто лет до нас, и чтобы на земле не осталось даже горелой спички! Весь мусор собрали в кучу и развели между камней костер. Ну, я и бросил туда эту вздутую банку, отбежал на несколько шагов, обернулся, а у костра вдруг нарисовался Ник с очередной порцией мусора. Я успел только крикнуть: «Осторожно!», как банка взорвалась и Ника забросало кильками с головы до ног!

Снимая с лица горячих красных рыбешек, Ник посмотрел на меня как на врага и, заикаясь от обиды, крикнул:

– Абель! Ты... ты... просто грязная свинья!

– Кто грязная свинья? – я даже обиделся. – Ты лучше на себя посмотри!